

Александр Кобринский

Даниил Хармс как апофеоз русского авангарда, или О новом событии в хармсоведении

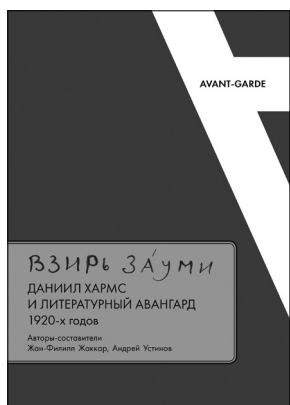
DOI: 10.53953/08696365_2026_199_3_381

**«ВЗИРЬ ЗАУМИ»: Даниил Хармс и литературный авангард
1920-х годов** / Авт.-сост. Ж.-Ф. Жаккар, А. Устинов.

СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2026. —
528 с.; 64 с. — (AVANT-GARDE. Вып. 28).

Книга Андрея Устинова и Жана-Филиппа Жаккара представляет собой, по точно-
му определению ее авторов, «своеобразный рентгеновский снимок “левых сил”
Ленинграда в период между поэтическим дебютом Хармса и созданием ОБЭРИУ,
а также динамики этих сил» (с. 4).

Авторы книги — филологи, стоявшие у истоков изучения биографии и твор-
чества Даниила Хармса. Они принадлежат к тому поколению исследователей
Хармса, которые работали с архивом Я.С. Друскина сразу после того, как он посту-
пил в рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салты-
кова-Щедрина. Не случайно среди фундаментальных исследований, посвященных
проблеме рассмотрения творчества Хармса в контексте современного ему литера-
турного авангарда, им принадлежит немалая доля¹.

Книга открывается давно ставшей классической
статьей двух авторов «Заумник Даниил Хармс: начало
пути», которая впервые была опубликована в «Wiener
Slawistischer Almanach» в 1991 г. Далее с раздела «Ран-
ний Хармс» начинается планомерное восстановление
литературного контекста. Несколько может озадачить
название его первой части: «Другие вещи, поданные
Хармсом в Союз поэтов», однако ответ дает сама струк-
тура издания: к основной книге имеется приложе-
ние, в котором дается факсимильное (наряду с обыч-
ным типографским) воспроизведение автографов двух
тетрадей стихов, представленных Хармсом в 1925 г.
в Союз поэтов. Каждая тетрадь, помимо имени авто-
ра, имела и обозначение на обложке: «Направление

ВЗИРЬ ЗАУМИ». Таким образом, в первый раздел книги оказались включены че-
тыре стихотворения Хармса, не вошедшие в упомянутые тетради. Точнее, «вещи»,
на чем небезосновательно настаивают авторы вслед Хармсом.

1 См.: Мейлах М.Б. О «Елизавете Бам» Даниила Хармса (предыстория, история поста-
новки, пьеса, текст) // Stanford Slavic Studies. 1987. № 1. P. 163–246; Jaccard J.-Ph.,
Устинов А. Заумник Даниил Хармс. Начало пути // Wiener Slawistischer Almanach.
1991. Band 27. S. 159–228; Жаккар Ж.-Ф. Даниил Хармс и конец русского авангарда.

Следующие части раздела составили все остальные стихотворения Хармса 1925–1926 гг., причем следует отметить, что несколько стихотворений впервые даны в поэтическом контексте; до этого они публиковались лишь как записи в записных книжках Хармса, что, конечно, не может считаться полноценной публикацией.

Раздел «Историко-литературный контекст» представлен материалами к истории «Левого фланга» (протоколы заседаний, различные заявления, устав, а также стихи этого периода). В заключение приводятся фрагменты писем А. Туфанова 1926–1927 гг., проливающие свет на его отношения с Хармсом и Введенским после их выхода из «Левого фланга».

Вторую часть раздела составили анкеты, поданные в ленинградское отделение Всероссийского союза поэтов и сохранившиеся в составе фонда ЛО ВСП в РО ИРЛИ. Особо следует отметить публикацию полного списка состава ЛО ВСП на конец 1928 г. с указанием домашних адресов и телефонов. В списке 62 имени. Наконец, третья часть — несколько публикаций 1925–1929 гг., посвященные ЛО ВСП. Несмотря на то что все они уже введены в научный обиход, их воспроизведение было полностью оправданным поставленной задачей: создать объемное и цельное представление о том литературном мире, в котором существовал Хармс до того, как был вынужден полностью уйти в детскую литературу. Следует также отметить, что ЛО ВСП и его изданиям в книге посвящена отдельная статья.

Интереснейшей задумкой представляется следующий раздел «Поэтический контекст», в котором собраны тексты поэтов-современников, так или иначе повлиявшие на Хармса. Влияние тут самое разное: что-то он цитирует (или даже переписывает) в своих записных книжках, какие-то тексты попали в его список «Стихотворения, наизустные мною», некоторые Хармс (по различным мемуарным свидетельствам) упоминал в разговорах, а в некоторых упоминается и сам Хармс, как, скажем, в стихотворении Н. Заболоцкого «Пошли на вечер все друзья...». Составители справедливо отказались от помещения в раздел хорошо известных и многократно публиковавшихся текстов А. Ахматовой, Ф. Сологуба, Андрея Белого, В. Хлебникова, В. Маяковского, Б. Пастернака, но зато поместили стихотворения В. Марта, Е. Вигилянского, Л. Аверьяновой, А. Туфанова, И. Бахтерева, а также не самые известные, но важные для понимания хармсовских контекстов стихи А. Введенского, М. Кузмина, К. Вагинова и Н. Клюева.

Сопоставление этого корпуса стихотворений со списком авторов, избранных для публикации их анкет, заполненных при вступлении в ЛО ВСП, дает совершенно ясное представление, кого именно Ж.-Ф. Жаккар и А. Устинов считают ближайшим литературным окружением Хармса того времени: М. Кузмин, К. Вагинов, А. Туфанов, И. Оксенов, А. Введенский, Л. Борисов, В. Алексеев, В. Март, Л. Аверьянова (Аверьянова-Дидерихс), Н. Заболоцкий и др.

Наконец, последний раздел «Исследования и публикации» составлен из 11 статей, восемь из которых принадлежат А. Устинову, а три — ему же в соавторстве с Ж.-Ф. Жаккаром. Эти работы представляют собой ценнейший материал по воссозданию авангардного контекста хармсовского творчества. Открывается раздел статьями А. Устинова и Ж.-Ф. Жаккара об Александре Туфанове и его попытках установить рабочие контакты с Московской (впоследствии Международной) ассоциа-

СПб.: Академический проект, 1995; Александр Введенский и Даниил Хармс в ленинградском Союзе поэтов и ленинградском Союзе писателей: (По материалам архивов Пушкинского Дома) / Публ. Т.А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 543–588; Кобринский А.А. Поэтика ОБЭРИУ в контексте русского литературного авангарда XX века. СПб.: Свое издательство, 2013 и др.

цией футуристов, приводятся его письма в книгоиздательство МАФ, к А. Крученых и к Шимкевичу (последнее — найденное В. Отяковским — приводится в приложении с его же комментариями). Далее следует почти исчерпывающее исследование материалов к биографии А. Туфанова (дополненное в последнее время новыми находками). К статье в качестве приложения даются опубликованные в свое время А. Соболевым письма Туфанова к Брюсову, в которых он искренне и доверительно рассказывает о своем жизненном пути, о литературных поисках и просит советов. К сожалению, ответные письма Брюсова (если они были) до нас не дошли. Также большой интерес представляют собой автобиография Туфанова 1922 г., его письма к Вс. Мейерхольду и Б. Пастернаку, публикации Туфанова памяти В. Хлебникова, а также тезисы доклада 1927 г. о зауми. Интересно, что Туфанов, как и Хармс, и Введенский в том же 1926 г., адресует письмо «Борису Леонтьевичу». Понятно, откуда Хармс с Введенским получили «информацию» об отчестве Пастернака. Но следует сделать вывод, что и Туфанов, который гораздо больше, чем молодые поэты, был вовлечен в литературную жизнь, также этого отчества не знал.

Одной из самых интересных публикаций книги следует признать статью А. Устинова «Стихотворение с загадочным посвящением, или Даниил Хармс смотрит Чарли Чаплина». Речь идет о стихотворении Хармса 1925 г. «О том, как Иван Иванович попросил и что из этого вышло», которое имеет посвящение, длительное время представлявшееся чистой заумью: «Посвящается Тылли и восклицательному Знаку», и которое было найдено в бумагах ленинградской поэтессы и переводчицы Лидии Аверьяновой. К слову, «открытие» Аверьяновой как одного из значимых литературных контактов Хармса 1920-х гг. — важная находка А. Устинова, заполнившая существенную лакуну. Опираясь на находку Ю. Цивьяна, установившего, что имя Тылли восходит к фильму Ч. Чаплина «Тилли заводит роман» (1914), А. Устинов подробнейшим образом прослеживает судьбу фильмов Чаплина в дореволюционной России и в 1920-е гг., восприятие Чаплина М. Кузминым и т.д. По остроумной версии автора статьи, именно Л. Аверьянова могла пригласить Хармса на просмотр этого фильма в ленинградское отделение ВОКСа, где она служила переводчицей, и, таким образом, вместе со своим мужем Ф. Дидерихсом стать замаскированной героиней загадочного посвящения.

Две публикации имеют важный справочный характер. Речь идет о тщательном подборе и анализе упоминаний Хармса в дневниках его отца И.П. Ювачева, а также упоминания чинарей в дневниках М. Кузмина. Почти исчерпывающей тему представляется работа о поэте Венедикте Марте, скромно названная А. Устиновым «подступами» и «эссе». Венедикт Март, изображенный в романе К. Вагинова «Козлиная песнь» в виде поэта Петра Сентября, был известным персонажем в истории дальневосточного авангарда (то примыкая к футуризму, то нападая на него) и неоднократно вступал в реальный или воображаемый им диалог с Хармсом.

Статья А. Устинова «Даниил Хармс до ОБЭРИУ: литературные кружки и салоны» является существенным дополнением к статье о «начале пути» Хармса, раскрывающим его контакты с различными кружками и объединениями Ленинграда 1920-х гг.: от «Воинствующего ордена имажинистов» до кружка «осьминогов», одним из создателей которого был известный в будущем филолог Д.Е. Максимов.

Завершает книгу очерк о том, как устанавливалась дата смерти Хармса. В нем, в частности, публикуется и фотография календаря на 1942 г., хранившегося у Валентины Ефимовны Каменской (урожденной Гольдиной), подруги Тамары Липавской, неоднократно упоминавшейся Хармсом в его шуточных текстах. На этом календаре, вопреки общеизвестной дате смерти писателя 2 февраля 1942 г., обведено в кружок другое число — 3 января 1942 года — и слева помечено: «Смерть Дан. Ив.». Является ли это более поздней (и ошибочной) попыткой отметить в кален-

даре день его смерти? Или же до нее дошел (раньше времени) какой-то слух? Как сказано у Введенского: «Сейчас это уже трудно установить».

Больше всего в книге к полемике приглашает глава о хармсовских одностроках — и, пользуясь случаем, эту полемику начнем.

Безусловно, эта тема полностью релевантна материалу: Хармс действительно писал одностроки и любил экспериментировать с этой формой. Однако что именно в его творчестве является стихотворением-моностихом («одностроком»), а что нет? Где стих, а где прозаическая строка? Где литературное произведение, а где — простая запись? Ну и, наконец, что принадлежит ему, а что нет? К примеру, в стиховедении всегда отмечалась особая важность контекста (в том числе и публикационного) для квалификации текста как моностиха. У Хармса же в записных книжках с контекстом сложность: перемешаны бытовые записи, наброски собственных стихов и прозы, впечатления от чтения других авторов и даже тексты, написанные явно не его рукой. «Трактат об одностроках Хармса» полностью обходит эту проблематику: автор статьи разбирает одностроки, которые он сам таковыми признал.

Следует отметить, что однострок «носи штаны тише» явно не принадлежит Хармсу. Он является частью записи, выполненной в записной книжке Хармса рукой другого лица — ленинградского имажиниста Семена Полоцкого, чья подпись присутствует там же через несколько страниц и позволяет атрибутировать запись без всякого сомнения². Эта запись справедливо рассматривается А. Устиновым в контексте интереса Хармса к графологии, сохранявшегося у него до конца жизни. Обращен этот текст, конечно, именно к Хармсу, а вовсе не к графологу и теософу Константину Владимирову, как утверждает Устинов, что доказывается записью Хармса через несколько страниц, где он дает описание характера Полоцкого, опираясь как раз на образец его почерка: «Сантиментален, логически откровен. Есть самолюбие, но не такое, как кажется со стороны, не показное, а тайное. Ни в чем не будете новатором. Предполагаю, что по убеждению вы пока коммунист большевик. Получил образование м.б. и высшее. Но как-то не систематически или наоборот» (ЗК № 3. Л. 32–32 об. Т. 1. С. 37).

Конечно, можно идти по пути умножения сущностей и предполагать, что Полоцкий записал не свой однострок, а Хармса, однако это предположение следовало бы доказывать, чего автор статьи не делает. К слову, можно сказать, что ранние тексты Полоцкого (кое-что цитирует И. Бахтерев в своих воспоминаниях) были вполне авангардными и самой идее создания моностихов вовсе не противоречили.

Одностроки «засыпая стал памятником чутунным» и «пора стаканы смерти сбросить», скорее всего, вообще не являются одностроками и не принадлежат Хармсу. Они расположены в записной книжке № 4 на страницах, где Хармс (как он обычно это всегда делал) оставлял записи во время чтения кем-то своих произведений. Хармс обычно записывал наиболее понравившиеся строки и фрагменты, давал оценки, вписывал пришедшие на ум сравнения. Судя по всему, записи делались во время чтения Введенским какого-то из не дошедших до нас произведений; подтверждением этому является однообразный характер записей, представляющих собой некое единое целое (при этом «однострок» никак среди них особо не выделяется), а также оценочное «хорошо», которое явно относится к прослушанному фрагменту. Нельзя было также упускать и то, что «стаканы

2 Как раз в эти дни и состоялось знакомство Хармса с С. Полоцким. Хармс записывает его домашний адрес на Большом проспекте Петроградской стороны (*Хармс Д.* Записные книжки. Дневник: В 2 кн. СПб.: Академический проект, 2002. Кн. 1. С. 31. ЗК № 3. Л. 18 об.). Далее ссылки на издание (с указанием номера записной книжки, листа, а также номера книги и страницы) даются в тексте.

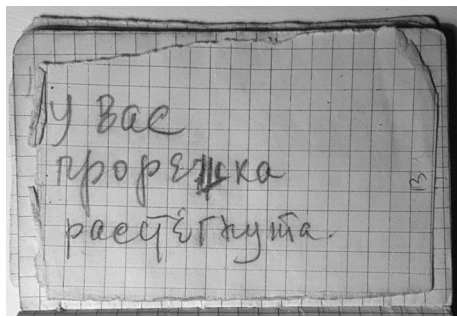
смерти», как и упоминаемые рядом «снаряды смерти», «мельница с кнопками смерти» — весьма характерная для Введенского конструкция (ср: «камушек смерти» и т.п.).

Сомнительно авторство Хармса и в отношении однострока «А нос ананас», учитывая тот факт, что он находится среди записей, сделанных явно со слуха во время чьего-то чтения и содержащих его оценки (ЗК № 3. Л. 333–333об. Т. 1. С. 37), Впрочем, не исключена и принадлежность этого однострока Хармсу (видимо, А. Устинов справедливо относит его к типу эпиграмм как реакции на кого-то из выступающих).

Соответственно, сомнительно и включение этих «одностроков» в корпус стихотворений Хармса соответствующего периода.

Гораздо забавнее обстоят дела с «одностроком» «У вас прорешка расстегнута». А. Устинов выражает сомнение, является ли этот текст «моностихом по праву», поскольку при нормативном прочтении не определяется метр. Поэтому условием для квалификации этой записи как однострока автор статьи предлагает считать возможный сдвиг ударения в последнем слове на «у».

Между тем стоит посмотреть на то, как выглядит эта запись на отдельном листе, вложенном Хармсом в записную книжку.

Совершенно очевидно, что Хармс не воспринимал этот текст как стих, он даже не пытается записывать его в стихотворной форме (не говоря уже о форме моностиха). Нет никаких сомнений, что Хармс во время какого-то заседания (возможно, в Союзе поэтов), увидев недостаток в одежде у какого-то из знакомых, вырвал из книжки листок, написал записку и передал адресату. Приводимый автограф также одно-

значно показывает невозможность сдвига ударения: Хармс поставил точки над буквой «ё». Похоже, что такое же «коммуникативное» значение имеет и запись «За тобой баба ничего», которую, судя по всему, Хармс показал кому-то из своих приятелей. В этом нет ничего необычного, Хармс (особенно в 1920-е гг.) нередко использовал свои записные книжки для ведения письменных диалогов в обстановке, когда говорить было по каким-то причинам нежелательно (ср., например, такой диалог в конце записной книжки № 5: Л. 10 об. — 11; Кн. 1. С. 60).

Анализ моностихов Хармса, статус которых представляется бесспорным, позволяет сделать предварительный вывод о том, что во всех этих текстах имеется внутренняя рифма: «Плачь мясорубка вскачь», «Наконец дева сядет на конец» (несмотря на явную зависимость от приписывавшегося в свое время А.С. Пушкину текста «День блаженства настоящий»³, этот текст следует рассматривать как харм-

3 В. Брюсов приписывал этот текст и еще три аналогичных Пушкину. Однако, как справедливо указывает А.В. Дубровский: «В середине 1930-х гг. Л.Б. Модзалевский провел экспертизу почерка автографа. Он пришел к выводу, что “рукопись с этими шуточными стихами писана рукою Льва Сергеевича Пушкина, почерк которого уже не раз вводил в заблуждение специалистов, вследствие своего разительного сходства с почерком его брата. Нет сомнения в том, что и самые стихи принадлежат Льву Пушкину, большому любителю литературы, “презревшей печать”, и упражнявшемуся вместе с С.А. Соболевским и И.П. Мятлевым в писании подобных стихотворений”. Повторная экспертиза, проведенная в 1950 г. Б.В. Томашевским, подтвердила

совский моностих) и т.п. По этому принципу построен следующий впервые публикуемый нами «однострок» Хармса, сохранившийся на вложенном в одну из его записных книжек листке:

Вновь перемешаем кровь⁴.

2 июля <1927 г.>

Возможно, это может быть критерием для отбора моностихов в основной корпус произведений.

Вообще, следует заметить, что атрибуция любых фрагментов, записанных Хармсом в записные книжки, представляет собой особо сложную проблему. В записной книжке Хармс приводит совет отца: «Читай, сидя за столом, и имей при себе карандаш и бумагу. Записывай мысли из книги, а также и свои, мелькнувшие из-за чтения или по другой причине» (Т. 1. С. 13. ЗК № 1. Л. 30.). Хармс так и делал, причем вел записи не только во время чтения, но и со слуха — когда читал кто-то другой. И как это разделить? Поэтому переносить фрагменты из записных книжек в основной корпус сочинений Хармса нужно крайне осторожно. К примеру, двустишие «Все ты врешь, Цициан...» в записной книжке находится в окружении других отрывков и отдельных слов. Пока что эти фрагменты не атрибутированы, а значит, видимо, следовало бы (как вариант) для подобных текстов создавать раздел «Dubia», в котором они могут находиться очень и очень долго.

атрибуцию Л.Б. Модзалевского (см. акт № 201 в деле фонда № 244 Рукописного отдела Пушкинского Дома). Таким образом, четыре экспромта были окончательно исключены из корпуса текстов поэта. В большом академическом издании они входят в список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях» (*Дубровский А.В. «Мнимый Пушкин» (Прижизненные списки эротических стихотворений и экспромтов, приписывавшихся Пушкину) // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 2005. Вып. 30. С. 320*). Думается, об этом тоже стоило упомянуть в статье.

4 Текст записан на вложенной в записную книжку № 11 картонке от папирос «Самородок». Под текстом — карандашный рисунок Хармса, схематично изображающий две обнимающиеся фигуры (ОР РНБ. Ф. 1232. Оп. 2. № 733. Л. 66 об.).